

Это был последний матч, который решит всю боевую часть фестиваля. С тех пор это был просто конкурс популярности, и Кацуки было наплевать, что о нем думают. Все, что нужно было сделать Кацуки, это выйти и избивать Деку без причуд, пока он

не вылетел за пределы ринга. Должно быть так же просто, как упасть с кровати.

Тем не менее, он колебался. На краю, где тени сменялись светом, Кацуки смотрел на пустую арену. Суровые слова Гончей Собаки эхом отдавались в его голове,

напоминая ему, что он облажался. Он не был уверен, что ошибался, он знал, что с Деку что-то не так, и весь этот фестиваль только доказал это. Однако, независимо от того, мог он или не хотел постоять за себя, Кацуки должен был оставить его в покое. Почему он все эти годы беспокоился о том, чтобы добиться от него реакции? Почему это так разозлило его, что Деку, казалось, ни о чем не заботилось? Это означало, что он заботился о Деку, и у него был действительно долбаный способ показать это. Теперь он должен был пережить это.

У него тряслись руки. Под перчатками он почувствовал, как его кожа покраснела. Если бы он продвинул свою причуду дальше, его руки начали бы покрываться

волдырями. Они не появлялись в волдырях в течение многих лет, но эта битва с половиной забрала каждую каплю, хранящуюся в его перчатках, а затем и немного. У него также закончились гранаты, он потратил световые гранаты, чтобы нокаутировать повелителя края, а остальное использовал, чтобы открыть путь через лед Шото. Во время перерыва он закачал немного пота обратно в свои перчатки, но не знал, сможет ли он использовать их против Деку. Это казалось неправильным, и

его злило то, что он не знал, почему.

Голос настоящего Микрофона, гремевший по внутренней связи, вырвал его из мыслей. Его ноги несли его вперед по собственной воле, и Кацуки пришлось моргнуть,

когда свет омыл его. Зрители пришли в восторг, когда он зашагал вперед, заняв свое место по другую сторону от Деку.

Деку выглядел как дерьмо, но даже с его кровью, капающей повсюду, у него было то же выражение, которое тупо смотрело на Кацуки в течение последних десяти

лет. Даже здесь, выиграв все, что предшествовало этому, он был так же апатичен, как и всегда, как будто все это даже не имело значения. Кацуки почувствовал,

как на его ладонях лопнули шарики нитроглицерина.

Присутствующий Мик дал взволнованный комментарий, но для Кацуки это был белый шум. Он сосредоточился на своем дыхании, чувствуя каждый подъем и падение

своей груди и чувствуя ритм своего сердца. Его взгляд был прикован к Деку, который держал расслабленную позу без малейшего подергивания.

Был назначен старт матча, но ни один из них не сдвинулся с места. Кацуки ждал. Деку ждал. Зрители ждали. Когда момент растянулся, Present Mic неловко сказал: «Ну, похоже, обе стороны присматриваются друг к другу. Кто первым сделает ход?»

Кацуки сжал руку. Деку видел это, но не реагировал. После очередного финта Кацуки спросил: «В чем задержка, Деку? Боишься, что побью тебя?»

«Мне было интересно, захотите ли вы сражаться без вспомогательного снаряжения».

Несмотря на себя, Кацуки ухмыльнулся. Он отмахнулся от одной перчатки, потом от другой. На всякий случай он перекинул свой пояс через край арены, хотя в нем

не было гранат. Пока он раздевался, костюм Деку вспыхнул, металлический каркас внутри расширился, чтобы позволить Деку выйти прямо из него. Он положил потрепанный костюм рядом с ареной. Его темно-зеленый комбинезон был опаленным, хотя держался лучше, чем основной костюм, и на нем были тонкие черные носки.

«Должен ли я сражаться без моей причуды?» — спросил Кацуки.

«Я буду сражаться со своими, так что тебе лучше использовать свою».

Кацуки мысленно почесал затылок. Называл ли он свою причудливость причудой? «Оденьтесь».

Несколько ударов ладонью позволили ему сократить дистанцию. Он выстрелил большим, ярким взрывом слева, чтобы ослепить его, и пробил дым правой. Деку

схватил его за запястье и швырнул через плечо. Когда Кацуки кувыркнулся в воздухе, он выпрямился и набросился ногой. Его каблук взъерошил волосы Деку.

В Quirkless CQC Кацуки знал, что у него в ладонях есть шанс снежного кома. Человек-обезьяна регулярно избивал его шестью способами до воскресенья, и он

наблюдал каждую минуту, как Деку использовал его в качестве боксерской груши всего несколько часов назад. Его единственная надежда состояла в том, чтобы

вывести Деку из зоны и заставить его пересечь край ринга. Пернатый повелитель края попробовал то же самое и засек клюв за свои неприятности, но без костюма Деку не мог сделать сальто назад из угла.

Сформировав свой план, Кацуки позволил разорвать один взрыв за другим, оставив ладони открытыми, чтобы увеличить радиус взрыва за счет мощности. Деку извивался и уворачивался назад, соскользнув вбок, как только Кацуки дал ему шанс. После двух минут непрерывных взрывов Кацуки не приблизился к тому, чтобы

вырвать звонок, и его руки болезненно пульсировали. Он стиснул зубы и прорвался сквозь боль.

Один взрыв был направлен слишком высоко. Деку нырнул под его руку, схватил каждой рукой по запястью и ударил его под дых. Кацуки почувствовал, как ветер

выбил его из колеи. Он выпустил взрывы из каждой руки, увлекая за собой Деку. Деку держался на ногах, но когда Кацуки завертел руками, он был вынужден

отпустить.

Затем Кацуки произвел двойную серию взрывов, направленных на то, чтобы сконцентрировать силу. Взрыв зацепил ноги Изуку, когда он нырнул в сторону. У него

было всего несколько секунд, чтобы отдышаться, так как в тот момент, когда Деку вскочил на ноги, он помчался прямо к нему. Его руки, все еще онемевшие от реторты последнего взрыва, не успели вовремя отразить удар Деку в плечо. Он выстрелил взрывом в землю, поднимая пыль и щебень, но Деку протолкнулся сквозь него, нанося удар за ударом.

В этот момент Кацуки понял, что с ним покончено. Кровь покрывала его пальцы, когда каждый новый взрыв разрывал все больше кожи. Каждый удар заставлял его медленнее реагировать на следующий. Его поле зрения сузилось до темно-зеленого пятна, покачивающегося и сплетающегося вокруг него. Его удары находили

только воздух, его удары ногами отражались или схватывались, каждый взрыв был направлен на пол арены, и он ел грязь достаточно раз, чтобы быть ценителем ее

вкуса. Несмотря на все это, он продолжал вставать, продолжал раскачиваться, продолжал бороться за позицию номер один, о которой мечтал с тех пор, как первые

трески нитроглицерина танцевали на кончиках его пальцев.

«Это абсолютная кровавая баня!» — крикнул присутствующий Мик. «Должны ли мы объявить матч?»

Кацуки, услышав это, попятился, чтобы с ревом подойти к комментаторской будке: «Ты не назовешь этот матч, пока один из нас не замерзнет и не окажется на полу,

ты слышишь меня? Я просто разогреваюсь».

Из-за побоев, которые он получил, Кацуки оставил одну руку в чашке. Кровь и пот смешались, образовав взрывоопасную лужу, достаточную для того, чтобы

разнести арену вдребезги. Деку знал, что он это делает, и намеренно избегал удара по правой руке. Кацуки знал это, потому что буквально каждый его дюйм был

испещрен свежими синяками.

Как только у него было столько, сколько он мог унести, Кацуки закричал: «Попробуй увернуться от этого! Удар гаубицы!»

Он хлопнул ладонями друг о друга, вызвав взрыв. Его пальцы образовали трубку, которая проецировала силу в узкий конус. Однако после первого взрыва его руки

были разорваны. Взрыв перерос в пожар, охватывающий арену. Огромная сила заставила Кацуки дать задний ход, пока он не врезался пятками в разбитый бетон. Куски цемента скользили по краю арены позади него.

Когда дым рассеялся, не было никаких признаков Деку. Бетонные плиты торчали под каждым углом. Маленький неглубокий кратер отмечал место, где взрыв

уничтожил участок, где стоял Деку. На мгновение эйфории Кацуки встал во весь рост и улыбнулся бойне.

Щебень сдвинулся. Толстая бетонная плита опрокинулась в сторону, обнажив Деку. Его спортивный костюм был поцарапан и испачкан кровью, но в остальном он

выглядел не хуже изношенного.

Кацуки почувствовал, как сила вытекает из него, как уколотый водяной шарик. Покачиваясь на ногах, глядя, как Деку подходит к нему, он спросил: «Как?»

В этот момент Голова-ластик ответил на его вопрос. «Деку нырнул под углом, чтобы избежать удара первого взрыва. Используя долю секунды, которая у него была до того, как взрыв распространился, Деку спрятался под бетонной плитой, которую Ground Zero сделал своими предыдущими взрывами. Если бы он был хоть немного медленнее или неправильно оценил свой прыжок, он был бы взорван этим взрывом».

В голосе его учителя была нотка, намекающая на то, насколько хуже могло бы быть, если бы Деку не увернулся. Часть арены, которая просто исчезла,

свидетельствовала о том, какой разрушительной силой обладал этот последний удар, почти в масштабе с полностью заряженной перчаткой.

Кацуки едва поднял руку, когда Деку выбил ноги из-под него. Деку поймал его за рубашку за секунду до того, как его лицо упало на землю. Прижав обе руки к

спине, напоминая о том дне несколько месяцев назад, когда Деку шантажировал его, все, что он мог сделать, это извиваться, когда Миднайт осмотрела его и

объявила об окончании матча.

Толпа почти взорвалась вокруг него, но Кацуки едва мог слышать это из-за звона в ушах. Несколько рук подняли его на ноги и перекинули через плечо. Пряди

вьющихся зеленых волос попали ему в глаза. Он попытался прорычать на Деку, что тот прекрасно может ходить самостоятельно, но слова вышли бессвязным

оскорблением.

Остальные статисты 1-А встретили их у входа на арену. Его брали разные пары рук, толстогубых и кальмаров, судя по силе и количеству конечностей. Сила воли не позволила ему закрыть глаза, когда они направились в офис Recovery Girl.

Когда Одзиро подставил Деку свое плечо, он отмахнулся от него и сказал, что с ним все в порядке. Затем подошел Пинки и похвастался, каким потрясающим был

этот матч. На полсекунды, так быстро, что Кацуки поклялся, что бредит от потери крови, ему показалось, что он увидел улыбку на лице Деку.

Девушка-выздоровливающая взглянула на них двоих, когда их одноклассники уложили их на кровати и издали долгий вздох. Тодороки все еще спал от того, что Деку

сделал с ним, а Иида держал лед над его сгоревшими двигателями.

«На данный момент я начинаю задаваться вопросом, когда ко мне придет кто-то с отсутствующими конечностями. Вы знаете упражнение, давайте проверим, нет ли сломанных костей».

Боль от того, что его толкали по ребрам и рукам, которые Деку методично избивал до

полусмерти, дала Кацуки порцию адреналина, необходимую ему для того, чтобы

оторваться от сна еще на пять минут. Девушка-выздоровливающая ворчала о том, как им повезло, что они ничего не сломали, прежде чем дать ему клюнуть в

бицепс. Та маленькая энергия, которая у него была, исчезла с худшими из его порезов и синяков. Он плюхнулся обратно на кровать, как дохлая рыба.

Усталость угрожала ввергнуть его в бессознательное состояние, но он заставил себя смотреть, как Девушка Выздоровления лечит Деку. Целая трубка мази от

ожогов была намазана на его конечности, где случайные взрывы обожгли его кожу, а бинты были обернуты вокруг его рук и туловища. Поцелуй в щеку закрыл его раны, но ее Причуда мало что сделала, чтобы исцелить его.

«Я оставил вам достаточно энергии, чтобы пройти через церемонию награждения, но в тот момент, когда это будет сделано, вы сразу же ляжете спать. Понял?

Деку пробормотал что-то в ответ и откинулся на спинку кресла. Девушка-выздоровливающая набросилась на них обоих и настроила своих личных роботов убирать

офис, пока она подавала документы об их травмах.

Несмотря на протесты живота, Кацуки наклонился, пока не увидел Деку. То же самое, мягкое выражение лица уже ждало его.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Кацуки. «Ты получил все, что хотел, верно? Вы победили. Ты бил меня, ты бил всех на каждом мероприятии, и вся эта толпа

сходила с ума по тебе. Так почему, черт возьми, ты не улыбаешься?

«Я не хотел ничего из этого. Это то, что я должен был сделать».

— Тогда какого хрена ты хочешь?

Вспышка паники настигла его, когда он понял, что наконец-то сломался и сказал ругательство после нескольких месяцев чистоты, прямо перед Деку, не меньше, но

он, казалось, не заметил. Смутное чувство беспокойства промелькнуло в его чертах, когда он сказал: «Я не знаю. Я думаю, чтобы защитить всех».

Кацуки хотел встать и вбить в него хоть какой-то смысл, но сам факт того, что он держал голову на фут над кроватью, делал его слишком измученным, чтобы думать должным образом. Девушка-выздоровливающая вернулась и выгнала всех, или, по крайней мере, пыталась это сделать. Заостренные волосы устроили большое шоу,

спотыкаясь об пол и симулируя сломанные конечности. Закатив глаза, Девушка Выздоровления указала на кровать и завернула его в марлю, чтобы он выглядел как мумия. Как только они остались одни, Кирисима начал хвастаться тем последним матчем. У Кацуки не было сил, чтобы заставить его замолчать.

Маска домино из кожного пигмента затемнила лицо Рикии, когда он разбил стол перед собой в щепки. На экране перед ним Граунд Зиро, лишившийся перчаток, нагруженных Триггером, был прижат к земле Деку. Месяцы тщательного планирования трещали по швам, и все потому,

что идиот был слишком вспыльчив, чтобы
игнорировать вызов Причудливого ребенка.

Остальная часть элиты MLA отступила, хорошо понимая, как быстро сила Ре-Дестро может оставить их кровавыми пятнами на полу. Однако храбрый дурак прошел по щепкам дерева и сказал: «Ну, это хороший беспорядок, не так ли?»

Рикия зарычала и дала мужчине задний ход. Его рука пронзила его плоть, как будто это была влажная глина, деформировав тело человека и оставив отпечаток размером с кулак в его черепе. Через несколько секунд мякоть медленно и вязким движением меда вернулась на место.

— Признаюсь, я тоже верил в твой план. То, что Ground Zero выбросил свое оборудование, вряд ли можно было предвидеть. Однако сейчас не время для истерик. Нам
нужно быстро справиться с повреждениями».

Рикия зарычала, но через несколько секунд пигментация отступила. Он поправил галстук и сказал: «Совершенно верно. Обратитесь ко всем и каждому, кто хочет

взять его на работу, и сделайте все возможное, чтобы отказать ему в стажировке. Угрожайте отрезать их вспомогательное снаряжение или шантажируйте их, если
придется».

«А как насчет перчаток Ground Zero, сэр?» — спросил его инженер. Должен ли я договориться об удалении триггера до того, как он будет обнаружен?

Рикия немного подумал и покачал головой. «Кто знает? Это может пригодиться позже».

Индевор был заинтригован, когда Деку избил своего сына. Взбешенный, но заинтригованный. Ему было почти стыдно видеть, как сильно обгорел этот последний

обмен. Он слишком хорошо знал точно, сколько потерь потребует такая степень ожогов и порезов. Профессиональных героев остановило меньше.

Увидев Деку там, с этими ранами, все еще свежими на груди и руках, он был впечатлен. Если бы это был какой-либо противник, кроме Ground Zero, который также победил своего сына, он был бы готов дать Деку шанс на победу. Эта причуда, которая становилась только сильнее по мере того, как продолжалась битва, и которая не позволяла Деку легко приблизиться, была идеальным противовесом боевому стилю Деку.

Наблюдение за тем, как оба бойца бросают свое снаряжение и сражаются врукопашную, где Деку оказался бы в еще более невыгодном положении, оставило его в

недоумении. Вся толпа взволнованно роптала, когда Деку произнес свой смелый вызов достаточно громко, чтобы мир услышал.

Челюсть Индевора чуть не упала на пол, когда пыль рассеялась, а Деку все еще стоял. Бой был настолько напряженным, что даже он оказался захлестнутым

поездкой. Он был не единственным героем на краю их места, и он уже слышал несколько телефонных звонков, когда Деку помогал своему однокласснику уйти с поля. Бест Джинист и

Эджшот размышляли о том, кто из них лучше всего подойдет для Деку, и Мируко громко сказала кому-то на другой линии, что да, она

чертовски серьезно относится к тому, чтобы заполучить этого зеленого ребенка, просто положила спальный мешок в спортзал для всего, что ей небезразлично.

Увидев, что для Деку открыты другие варианты, Индевору пришлось задаться вопросом, почему именно к нему обратились. Его агентство было известно тем, что принимало могущественных причуд, таких как его собственное, сосредотачиваясь на контроле над толпой и умирении могущественных злодеев. Как отметил Эджшот, Деку больше всего выиграет от обучения скрытности, СГС и тактике вспомогательного снаряжения. Его агентство не было оборудовано для обучения кого-то вроде него.

Несмотря на все это, ставка была ставкой. Хотя часть его думала о том, чтобы отрицать, что это когда-либо происходило, насмешки Деку были слишком глубокими,

чтобы он мог игнорировать это. «Индевор» не стал дожидаться подсчета голосов. Он позвонил своему личному помощнику и сообщил, что этим летом они примут двух

стажеров.

Когда Инко спросила его, может ли она увидеть своего сына, у Тошинори не хватило духу сказать ей, что медицинская зона закрыта для зрителей. Спустившись на лифте и пройдя долгую прогулку, значок Тошинори привел их в американскую секцию арены. Выздоровливающая девушка выгнала всех учеников, которые не нуждались в медицинской помощи, в результате чего Мидория, Бакуго, спящий Тодороки и Кирисима, которая, споткнувшись о мужественную банановую кожуру,

сделала акцент на мужественности, заметьте, сидела в постели, завернутая с ног до головы в бинты, и хвасталась тем, насколько супер мужественным был тот

последний бой.

Когда он появился в дверном проеме, Кирисима остановился и таращился. — Все М... — выпалил он, прежде чем остановиться. Он бросил виноватый взгляд на

комнату, но никто этого не заметил. Тошинори, со своей стороны, чуть не захлебнулся собственной кровью от того, как едва не была взорвана его личность.

— Кирисима-кун, — сказал Всемогуший, — как ты получил травму?

— О, э-э, я споткнулся. С нахальной ухмылкой он добавил: «А я, э-э, забыл активировать свою причуду».

Бакуго фыркнул. «Он сфальсифицировал это, чтобы составить нам компанию. Эта старая сумка устала спорить с ним и просто ушла. Итак, кто ты и что ты делаешь с

тетей Инко?

Инко бросила на него испуганный взгляд, но Тошинори быстро сказал: «Я учитель второго курса. Ты будешь встречаться со мной на занятиях в следующем году».

Бакуго скептически отнесся к своей худощавой фигуре, но сдержал язык. Мидория махнул

рукой с кровати, и мать бросилась к нему.

«О, милая, с тобой все в порядке? Что случилось, что-нибудь сломалось, должен ли я позвать медсестру?»

«Это выглядит хуже, чем есть на самом деле», — сказал Изуку с натянутой улыбкой.
«Действительно, со мной все в порядке. Я полностью вылечусь, как только церемония закончится, чтобы я мог отоспаться».

Тошинори дал ему один раз. Если он выглядел так после того, как Девушка-Выздоровливающая взяла его в свои руки, он содрогнулся, представив, насколько хуже

ему становилось. Инко разрывался между желанием обнять его и осознанием того, насколько плохой была эта идея, когда он был весь в ожогах. Она довольствовалась тем, что слегка взъерошивала его волосы. «Просто... Будь осторожен, хорошо? Больно видеть тебя таким».

Младшая Мидория похлопала ее по спине. «Со мной все будет в порядке, тебе не нужно беспокоиться обо мне».

Телефон Инко зазвонил в ее сумке. Она вытащила его, ответила и протянула Тошинори. «Это принцип», — сказала она.

Озадаченный тем, как Незу узнал, что нужно позвонить ей, он взял трубку. На другом конце провода Незу весело сказал: «Я взял на себя смелость заказать тебе пару новых комплектов брюк. Обязательно выбросьте эту старую пару на этот раз, новизна возврата ваших личных вещей раз в неделю давно исчезла».

—, да. Есть ли что-то еще, что вам нужно?

«Во-первых, сопроводите Мидорию-сан из этого района, я бы не хотел услышать, что будет делать Recovery Girl, если узнает, что ее правила пребывания в

стационаре были нарушены. После этого встретимся в VIP-комнате. Нам нужно пересмотреть подготовку к церемонии награждения».

Инко не хотел уходить, но сочетание его настойчивости в том, что всем нужен отдых, и неоднократных заявлений Изуку, что с ним все будет в порядке, наконец,

заставило ее уйти. Как только они вернулись за пределы запретной зоны, Тошинори пробрался на прощание и так быстро, как только мог, направился в VIP-зону Незу.

Тарелки с почти нетронутыми закусками и пустые бокалы для шампанского загромождали один стол в боковой части комнаты. Незу съел тарелку с сыром и

крекерами, наблюдая за трансляциями со стадиона на экранах зала. На стадионе внизу группа студентов общеобразовательных дисциплин исполнила оригинальную

песню, которую они написали под незначительный энтузиазм аудитории.

«Вы что-то говорили о церемонии награждения?» — спросил он.

«У тебя все еще есть все твое время, верно?»

Тошинори набрался веса, растягивая рубашку с воротником до предела. — Все три часа.

— Хорошо. Если злодеи собираются сделать свой ход, это произойдет, когда будут вручены награды. Я слежу за подозрительными движениями, но на самом деле они,

скорее всего, попадут в середину стадиона. У меня будут с тобой Голова-ластик и Полночь, чтобы поддержать в случае, если что-то случится. Остальные герои

сосредоточатся на эвакуации со стадиона, пока вы сдерживаете угрозу.

Всемогущий выпустил форму героя и кивнул. «Это должно произойти сегодня. Это то, что показала Причуда Мидории, верно?

Незу пожал плечами. «Я сделал предположение, основанное на его поведении. Должен признаться, я начинаю беспокоиться о том, что был неправ».

— Что ты имеешь в виду?

«Для него очень нехарактерно выделяться и преуспевать, как показала его школьная история до США. Сначала я списал это на то, что класс доверяет ему, но если у него действительно есть другие желания, кроме спасения окружающих его людей, будет труднее предвидеть его действия».

Несколько часов спустя, под видом своего героя, Всемогущий объявил окончательный подсчет голосов. Отрыв был намного ближе, чем он ожидал, учитывая

выступление Мидории, но ему удалось вытеснить Бакуго и Тодороки с 68% людей, проголосовавших за него, против 62% и 59% соответственно. Каждый звонящий мог проголосовать за столько студентов, сколько пожелает, а это означает, что даже студенты, выбывшие в ранних раундах, получили некоторое представительство.

Голоса, поступившие от студентов, были одинаково близки, но Урака и Йоорозу заняли второе и третье места.

Всемогущий внимательно следил за местностью вокруг себя, когда вешал медали на шеи Тодороки и Бакуго. Он почувствовал, как его нервы поднялись, когда он

улыбнулся Мидории и вручил ему золотую медаль. Мидория помахала толпе. Вокруг него раздались громкие аплодисменты. Чувство страха достигло крещендо, когда

он почувствовал, что вокруг него настал лучший момент для террористической атаки.

Нападения не последовало. Даже после того, как студенты ушли, а толпа медленно просачивалась со стадиона, даже после частного собрания факультета, на

котором Незу рассматривал следующие шаги для противостояния Причуде Мидории, даже после того, как он вернулся домой, нашел записку, которую Незу оставил в

своем кошельке, и выбросил старые потрепанные хаки в мусорное ведро, чувство напряжения, То, что беда была не за горами, никогда не покидало его.

Из-за такойки и смутного чувства опасности Тошинори мало спал в ту ночь.